

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Вопрос о соотношении контрастивной лингвистики и теории перевода до сих пор продолжает оставаться предметом споров. В прошлом нередко отсутствовала четкая дифференциация этих дисциплин. Так, Я.И. Рецкер в статье "О закономерных соответствиях при переводе на родной язык", в которой впервые были сформулированы основные положения одной из первых лингвистических теорий перевода, теории закономерных соответствий, писал: "Перевод... немислим без прочной лингвистической основы. Такой основой должно быть сравнительное изучение языковых явлений и установление определенных соответствий между языком подлинника и языком перевода. Эти соответствия в области лексики, фразеологии, синтаксиса и стиля и должны составлять лингвистическую основу теории перевода" [Рецкер, 1950, 156]. Таким образом, сопоставление языков и языковых явлений фактически отождествлялось с лингвистической теорией перевода.

Этот взгляд на соотношение теории перевода и контрастивной лингвистики до сих пор находит свое проявление в некоторых теоретических построениях, в которых вся проблематика перевода сводится к соотношению отдельных лексических единиц, морфологических категорий и синтаксических конструкций в исходном языке и языке перевода. Порой теория перевода отождествляется не с контрастивной лингвистикой вообще, а с одним из ее разделов. Так, в известной книге по сопоставительной стилистике французского и английского языков Ж.-П. Винэ и Ж. Дарбельне порой ставится знак равенства между понятиями сопоставительной стилистики и теории перевода [Vinay, Darbeinet, 1958]. В цитированной выше работе по лингвистической теории перевода Л.С. Бархударов писал: «... можно даже утверждать, что лингвистическая теория перевода — это не что иное, как „сопоставительная лингвистика текста”» [Бархударов, 1975, 28].

Вопрос о соотношении контрастивной лингвистики и теории перевода детально рассматривается Э.Косериу в докладе на международном симпозиуме в Трире ("Контрастивная лингвистика и теория перевода: их отношение друг к другу") [Coseriu, 1981]. Согласно Косериу, контрастивный анализ языков может осуществляться в различных плоскостях внутриязыкового структурирования, а именно: на уровне языковой нормы (т.е. обычных, традиционных реализаций языковых функций), на уровне типа языка (т.е. принципов внутриязыкового структурирования, функциональных категорий, рассматриваемых в их взаимосвязи) и, наконец, на уровне языковой системы (т.е. функциональных оппозиций и связанных с ними парадигматических группировок, например лексических и грамматических полей). По мнению Косериу, контрастивная лингвистика, ориентированная исключительно на тип языка и языковую систему, имеет ограниченную ценность для перевода. Это объясняется тем, что в переводе речь идет не о соотношении функциональных категорий и функциональных единиц. С другой стороны, контрастивная лингвистика на уровне языковой нормы, которая исследует фактическое употребление функциональных единиц, охватывает именно ту сферу, в которой протекает процесс перевода, и совпадает с ней [там же, 193].

Э.Косериу, несомненно, прав, когда считает, что системно-структурные и типологические сопоставления языков могут иметь лишь ограниченное приложение к переводу. Прав он и в том, что к теории перевода ближе всего именно та отрасль контрастивной лингвистики, которая ориентирована на язык в действии. Именно эта отрасль обнаруживает наиболее тесные двусторонние связи с теорией перевода. Подобно последней, она имеет дело с речевыми реализациями языковой структуры, с областью функционирования языка в речи, и, подобно частной теории перевода, охватывающей два языка, она однонаправленна (например, проблема нахождения соответствий деепричастию актуальна лишь для перевода с русского языка и для контрастивной лингвистики, исходным языком которой является русский).

Вместе с тем едва ли можно согласиться с утверждением, согласно которому ориентированная на норму и узус контрастивная лингвистика приравнивается к теории перевода. Независимо от того, какой аспект языка — его структурный тип, система, норма или узус — оказывается в фокусе сопоставительного анализа, контрастивная лингвистика всегда нацелена на язык, на конкретную языковую пару, подвергаемую сопоставительному анализу. Целью ее является синхронное сопоставление языков, выявление их общих и различительных черт на основе единого метаязыка, выступающего в качестве *tertium comparationis*, или одного из исследуемых языков, выступающего в качестве эталона для сопоставления.

Что же касается теории перевода, то ее предметом, как отмечалось выше, является перевод как специфический вид межъязыковой коммуникации, или, в терминах лейпцигской школы теории перевода, "языкового посредничества" (*Sprachmittlung*), а целью — выявление сущности перевода, его механизмов, способов его реализации, влияющих на него внутриязыковых и внеязыковых факторов и регулирующих его норм. Используя некоторые методы, заимствованные из других языковедческих дисциплин (например, компонентный анализ), теория перевода в то же время разрабатывает и свои собственные методы описания и анализа процесса перевода. К ним относятся некоторые методы моделирования перевода — модель "динамической эквивалентности" Ю.Найды [Nida, Taber, 1969], коммуникативные модели О.Каде [Kade, 1968] и А.Поповича [Попович, 1980], методы переводческого эксперимента [Рецкер, 1974, 63-75] и др.

Исследуя соотношение между функциональными единицами языка А и языка В, контрастивная лингвистика создает необходимый фундамент для построения теории перевода. В самом деле, многие переводческие трансформации, составляющие "технологии" перевода, восходят в конечном счете к функционально-структурным расхождениям между "сталкивающимися" друг с другом в процессе перевода языками. Между данными контрастивной лингвистики и данными теории перевода во многих случаях наблюдается каузальная связь. При этом контрастивная лингвистика в ряде случаев отвечает на вопрос о том, почему в переводе осуществляется та или иная операция. Так, в английском языке для обозначения движения часто используется глагол, содержащий сопутствующий движению признак — шум, вибрацию и т.п. В русском

языке этот сопутствующий признак, как правило, описывается с помощью глагола движения в сочетании с наречием, предложно-именным сочетанием или деепричастием. Ср. следующий пример из перевода на английский язык рассказа М.Ю.Лермонтова "Фаталист": "... все глаза, выражая страх и какое-то неопределенное любопытство, бегали от пистолета к роковому тузу, который, трепеща на воздухе, опускался медленно — With bated breath and eyes expressive of terror and a vague curiosity, we glanced from the pistol to the fateful ace which was now slowly fluttering downwards.

Отмеченное расхождение в структуре английской и русской фраз, отражающих одну и ту же предметную ситуацию, служит причиной переводческой трансформации, связанной с перераспределением семантических компонентов: русский глагол в сочетании с деепричастием ("трепеща на воздухе, опускался") преобразуется в английский глагол со значением сопутствующего признака в сочетании с наречием, указывающим на направление движения (was... fluttering downwards).

Одной из причин (хотя и не единственной) описанной выше трансформации является наличие "безэквивалентных форм" в одном из взаимодействующих друг с другом в процессе перевода языков. Такой формой в данном случае является деепричастие, представляющее собой специфическую черту русского языка.

Ср. также интересный пример, приводимый в цитированной выше работе Косериу: *Я никогда не любил Людмилу; Я никогда не любил, Людмилы.* Здесь "безартиклевый" русский язык использует характерное, для него средство — падежную флексию для маркирования семантической оппозиции "конкретное лицо—представитель класса" (в первом, случае речь идет о конкретном человеке, а во втором — о любой женщину по имени Людмила). Немецкий язык использует в тех же целях противопоставление нулевого и неопределенного артиклей: *Ich habe nie Ljudmila geliebt; Ich habe nie eine Ljudmila geliebt.* Ср. англ.: *I have never loved Lyudmila; I have never loved a Lyudmila.*

Можно сказать, что теория перевода нуждается в контрастивной лингвистике как в источнике исходных данных. Эти данные, проливающие свет на расхождения между структурными типами, системами и нормами языков (попутно отметим, что контрастивная лингвистика на уровне языковой нормы пока еще не создана и находится в стадии разработки), служат в качестве отправного пункта для собственно переводческого анализа. Однако при этом нельзя не учитывать того обстоятельства, что контрастивная лингвистика ориентирована на перевод не в большей мере, чем на преподавание иностранных языков.

Различие между теорией перевода и контрастивной лингвистикой касается также самого характера сопоставлений, практикуемых в этих дисциплинах. Рассмотрим в качестве примера характер сопоставлений в теории перевода и в существующей пока лишь в первом приближении сопоставительной лингвистике текста. Л.С. Бархударов считал, что предметная область теории перевода совпадает с предметной областью сопоставительной лингвистики текста именно потому, что эти дисциплины занимаются сопоставительным изучением семантически тождественных текстов [Бархударов, 1975, 28]. Думается, что для контрастив-

ной лингвистики семантическое тождество текстов не является обязательным условием. Сопоставительная лингвистика проводит свои сопоставления на уровне определенного типа или жанра текста. При этом в сопоставительной лингвистике текста используются так называемые параллельные тексты, которые никак не могут рассматриваться как тексты, находящиеся в отношении "оригинал—перевод". Иногда в качестве материала для сопоставлений используются тексты, у которых вообще отсутствует семантический инвариант, но которые позволяют выявить дифференциальные признаки текстов данного жанра в сопоставляемых языках. Ср., например, приводимые в качестве "параллельных текстов" в одном из сопоставительных исследований выступления в английском парламенте и в бундестаге:

I considered it in public interest to suggest that the House should be summoned to meet today. Mr. Speaker agreed, and took the necessary steps, in accordance with the powers conferred upon him by the Resolution of the House... I now invite the House, by the motion which Stands in my name, to record its approval of the Steps taken...

Infolge eines Versehens, das ich bisher aufklären konnte, ist entgegen der Bitte des Kabinetts, den Punkt, Abgabe einer Regierungserklärung auf die Tagesordnung zu setzen, dieser nicht auf Tagesordnung. Ich bitte deswegen um Entschuldigung; ich werde die Sache aufklären. Aber ich glaube, die ganze internationale Lage ist derart, dass das Hohe Haus von der Bundesregierung eine Enklärung verlangen kann... [Hartmann, 1981, 203].

Сопоставительный анализ направлен на выявление специфических и общих черт в структуре сопоставляемых текстов, в их лексике, синтаксисе, фразеологии и стиле. При этом сопоставления носят, как правило, статический характер и не преследуют цели нахождения переводческих эквивалентов.

Теория перевода также имеет дело с текстами — исходным и переводным, между которыми устанавливаются эквивалентные отношения. Однако в сопоставительной теории текста, где речь идет о различных типах текстов, основным направлением научного поиска является именно выделение тех общих черт, которые характеризуют тексты данного типа, тогда как теория перевода принимает общие характеристики текстов за данное и сосредоточивает свое внимание на том, каким образом эти характеристики детерминируют процесс перевода.

Более того, если для сопоставительной лингвистики текста необходимо и достаточно выявление соотношения между однотипными текстами в разных языках, то для теории перевода характерна неразрывная, органическая связь статической "сетки отношений", т.е. анализа, основанного на выявлении типологии и иерархии эквивалентных отношений между исходным и переводным текстами, с динамическими моделями, воссоздающими путь переводчика от исходного к переводному (конечному) тексту как серию преобразований, подчиненных определенным закономерностям.

В этой связи возникает вопрос не только о соотношении контрастивной лингвистики и теории перевода, но и о роли и месте лингвистики вообще в науке о переводе. Дело в том, что лингвистика, несомненно,

играет важнейшую роль в переводоведении. Это обусловлено ролью языка в процессе перевода. Будучи особым видом межъязыковой речевой коммуникации, перевод осуществляется с помощью языка, с учетом соотношения между исходным языком и языком перевода. Вместе с тем нельзя не признать, что перевод как речевая деятельность не может быть сведен к процессу, целиком и полностью осуществляемому по заданному межъязыковому алгоритму. Теория перевода, стремящаяся к реалистическому отражению процесса межъязыковой коммуникации, не может пройти мимо того важного обстоятельства, что перевод является не только языковым (или, точнее, речевым) феноменом, но и феноменом культуры. В самом деле, процесс перевода "пересекает" не только границы языков, но и границы культур, а создаваемый в ходе этого процесса текст транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры.

Рассмотрение перевода как целенаправленной деятельности едва ли возможно без проникновения в планы, структуру и реализацию этой деятельности, или, иными словами, в психологию перевода. Без учета психологического компонента невозможно раскрытие роли человеческого фактора в переводе, что представляется необходимым хотя бы потому, что в любом акте перевода присутствует творческое начало, проявляющееся в незапрограммированных и непредсказуемых решениях. Вряд ли можно было бы описать в виде исчерпывающей лингвистической формулы "алгоритм", которому подчинено любое подлинно творческое решение переводчика. По-видимому, в таких случаях речь идет не столько о "сетке отношений" между языками, сколько о той стороне переводческой деятельности, которую принято вслед за К.И.Чуковским называть "высоким искусством".

Таким образом, если контрастивная лингвистика включает в рассмотрение язык А и язык В, исходя из основной задачи этой дисциплины, определяемой как "систематическое сравнение форм и значений единиц структуры сопоставляемых языков" [Ярцева, 1981,29], то теория перевода помимо исходного и конечного текстов принимает в расчет социокультурные и психологические различия между разноязычными коммуникантами, а также ряд других социокультурных и психолингвистических детерминантов процесса перевода. При этом учитывается, что перевод — это не простая смена языкового кода, но и адаптация текста для его восприятия сквозь призму другой культуры.

Сказанное не следует понимать как попытку принизить значение лингвистики для теории перевода, которое трудно переоценить. Но при этом следует, по-видимому, согласиться с В.Ивиром, полагающим, что "лингвистический компонент в переводе является центральным в одном смысле: он управляет процессом всюду, где не вступает в конфликт с требованиями других компонентов" [Ivir, 1981, 217]. Отсюда следует, что какой бы "лингвистичной" ни была теория перевода, она не может не обрывать междисциплинарными связями с науками, изучающими социокультурные, психологические и иные аспекты речевой деятельности.

Соотношение контрастивной лингвистики и теории перевода характеризуется двумя противоположными тенденциями. С одной стороны,

каждая из этих дисциплин утверждает свою автономию, а с другой взаимодействие между ними становится все более тесным. Опираясь на данные контрастивной лингвистики, теория перевода прослеживает влияние соотношения языков (на уровне структурного типа, системы и нормы) на процесс перевода. В свою очередь, перевод оказывает неоценимую услугу контрастивной лингвистике, будучи единственным источником, из которого извлекается *tertium comparationis* — основа формальных соответствий [там же, 216]. Более того, широкое привлечение данных теории перевода открывает новые перспективы перед контрастивным анализом. Так, например, по мнению К.Хансена, если в будущем контрастивная лингвистика будет ориентироваться не только на абстрактный уровень языковой системы, но и на конкретный уровень языкового узуса, ей придется дополнить используемое ею понятие функциональной эквивалентности (т.е. эквивалентности на уровне системы) выработанным в теории перевода понятием коммуникативной эквивалентности (т.е. эквивалентности на уровне текстов с учетом их коммуникативного эффекта) [Hansen, 1985, 127].

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Социальная сущность перевода за последнее время все больше привлекает к себе внимание исследователей. Так, один из ведущих теоретиков перевода ГДР, О.Каде, рассматривал перевод как важнейший вид языкового посредничества (*Sprachmittlung*), т.е. межъязыковой коммуникации, представляющей собой (как и коммуникация вообще) общественное явление — языковую деятельность людей, ограниченную общественными условиями и служащую общественным целям [Kade, 1977]. В советском языкознании идеи О.Каде получили развитие в работах Л.К.Латышева, рассматривающего общественное предназначение перевода как его постоянный классифицирующий признак, присутствующий во всех его реализациях [Латышев, 1983, 8].

Социальные аспекты перевода в той или иной форме получали освещение в работах по теории перевода. Однако в них они чаще всего рассматривались несистемно, без привлечения понятийного аппарата, разработанного современной социолингвистической теорией. Между тем есть основания утверждать, что, будучи социально детерминированным явлением, перевод обладает рядом существенных признаков, входящих в сферу компетенции социолингвистики.

Среди социолингвистических проблем, имеющих прямое отношение к переводу, следует в первую очередь выделить такие, как "язык и социальная структура", "язык и культура", "язык и социология личности". В соответствии с этим важно рассмотреть следующие три стороны перевода: а) перевод как отражение социального мира; б) перевод как социально детерминированный коммуникативный процесс; в) социальную норму перевода.

Отражение социального мира в процессе межъязыковой коммуникации является одним из существенных социолингвистических аспектов перевода. Эта проблема характеризуется двумя основными аспектами: первый непосредственно связан с передачей в переводном тексте социальных реалий исходной социокультурной системы, а второй — с опосре-